

Этномузыкология

Научная статья

УДК 398.8+911.3

<https://doi.org/10.56620/2587-9731-2025-2-187-213>

EDN XAWBAQ

Псковско-кривичские изомелы
Русского Северо-Запада

Лариса Михайловна Белогурова

Российская академия музыки имени Гнесиных,
г. Москва, Российская Федерация,

✉ l.belogurova@gnesis-academy.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9537-0631>

Аннотация. Статья знакомит с редким случаем историко-этномузыкологического соответствия, установленного с помощью ареального метода. Изучение картографических проекций обрядовых песен Псковской области и ближайших районов Тверской и Смоленской областей показало, что три типа напевов — два свадебных и один масленичный — образуют ареалы, которые в значительной мере соотносятся с исторической территорией псковских кривичей. Во второй половине первого тысячелетия н. э. население этого древнего восточнославянского

племени проживало на побережье Чудского и Псковского озер, в бассейне реки Великой, а также в верховьях Западной Двины и Ловати. Сопоставление с археологической картой выявило, что этномузыкологические ареалы не только ориентированы на внешние границы племенной территории псковских кривичей, но и воспроизводят внутреннюю структуру их ареала, что позволяет считать эти три типа напевов преемниками псковско-кривичской музыкальной традиции. Структурный анализ напевов выявил микстовую природу их ритмического строя, что объединяет их между собой и одновременно выделяет из общего восточнославянского контекста. С одной стороны, подобно обрядовым песням западного этнокультурного региона, они координируются с силлабическими стихами-слоговиками, образуют строфические композиции по модели цезурированных напевов и даже используют цезурированные ритмические формулы. Но при этом они демонстрируют качества сегментированной музыкально-ритмической организации, подчиняясь принципам акцентности — равномерной либо неравномерной, что связывает их с севернорусской культурой. Представляется, что выявленные псковско-кривичские типы обрядовых напевов воплощают собой ранние формы музыкально-ритмической сегментации, в определенном смысле не вполне зрелые, если сравнивать их с классическими ритмическими типами Русского Севера.

Ключевые слова: география народной культуры, картографирование музыкального фольклора, Русский Северо-Запад, псковские кривичи, история расселения восточнославянских племен, обрядовые песни, структурный анализ напевов, ритмическое строение

Для цитирования: Белогурова Л. М. Псковско-кривичские изомелы русского Северо-Запада // Современные проблемы музыкознания. 2025. № 2. С. 187–213. <https://doi.org/10.56620/2587-9731-2025-2-187-213>

Ethnomusicology

Original article

Pskov-Krivichi Ethnomusicological Borderlines of the Russian Northwest

Larisa M. Belogurova

Gnesin Russian Academy of Music,
Moscow, Russian Federation,

✉ l.belogurova@gnesin-academy.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9537-0631>

Abstract. The article considers an example of historical-ethnomusicological correspondence established by means of the areal method. A study of the cartographic projections of ritual songs of the Pskov region and the nearby areas of the Tver and Smolensk regions showed that three types of chants — two associated with weddings and one with Maslenitsa (Carnival) — form areas that largely correspond to the historical territory of the Pskov Krivichi. During the second half of the first millennium AD, the population of this ancient East Slavic tribe lived on the coast of the Peipus-Pskov Lakes, in the Velikaya River basin, as well as along the upper reaches of the Western Dvina and Lovat Rivers. By comparing the ethnomusicological areas with an archaeological map, they are shown not only to be oriented toward the external boundaries of the tribal territory

of the Pskov Krivichi, but also to recreate the internal structure of this area. On this basis, the three chant types can be considered as inheritors of the Pskov-Krivichi musical tradition. Structural analysis of the melodies revealed the mixed nature of their rhythmic structure, which both unites them and distinguishes them from the wider East Slavic context. On the one hand, like the ritual songs of the Western ethnocultural region, they are coordinated with syllabic verses, form strophic compositions according to the model of caesurised chants, and even use caesurised rhythmic formulas. At the same time, they demonstrate qualities of segmented musical-rhythmic organisation, whose principles of accentuation — whether uniform or uneven — connects them with northern Russian culture. By comparing them with the classical rhythmic types of the Russian North, the identified Pskov-Krivichi types of ritual chants appear to embody early and arguably immature forms of musical-rhythmic segmentation.

Keywords: geography of folk culture, mapping of musical folklore, areal method, Russian NorthWest, Pskov Krivichi, settlement history of East Slavic tribes, ritual songs, structural analysis of tunes, rhythmic structure

For citation: Belogurova, L. M. (2025). Pskov-Krivichi Ethnomusicological Borderlines of the Russian Northwest. *Contemporary Musicology*, 9(2), 187–213. <https://doi.org/10.56620/2587-9731-2025-2-187-213>

Введение

На рубеже 1930–1940-х годов основоположник структурно-типологического направления в советском этномузыкознании Климент Васильевич Квитка в своей статье «Об историческом значении календарных песен» высказал мысль о необходимости составления карты «распространения элементов народной музыкальной культуры» [1, с. 90]. В качестве одной из форм последующей работы с такой картой он предложил сравнение ее с историческими исследованиями в целях «хронологического указания для типов напевов», то есть установления их относительной датировки: «Если область распространения какого-то изучаемого типа обрядовых песен совпадает с конфигурацией населенных пунктов,... тяготевших к какому-то центру в какую-то [историческую] эпоху — мы будем вправе полагать, что эпоха таких именно связей и тяготений и была эпохой, когда исследуемый тип напевов окреп и интенсивно распространялся. Возникновение типа мы отнесем именно к этой эпохе...» [там же].

При всей привлекательности открывающихся перспектив проведение подобных исследований ученый не считал первоочередной задачей науки и более того — сферой профессиональной компетенции этномузыкологов. Определение исторических рамок, писал он, требует «углубления в документы общей истории, критики ее источников. Это дело историков...» [там же, с. 98]. И даже предостерегал от чрезмерного увлечения историческими штудиями, дабы, «тратя время и силы на аргументацию», не дойти «до той черты, за которой происходит уже перемена научной специальности» [там же]. Непосредственный же долг музыковедов-фольклористов заключается, по мнению Квитки, в том, чтобы «доставить самое важное — ...систематизировать с особым вниманием к географическому распространению собственно музыкальные памятники, то есть записи напевов» [там же].

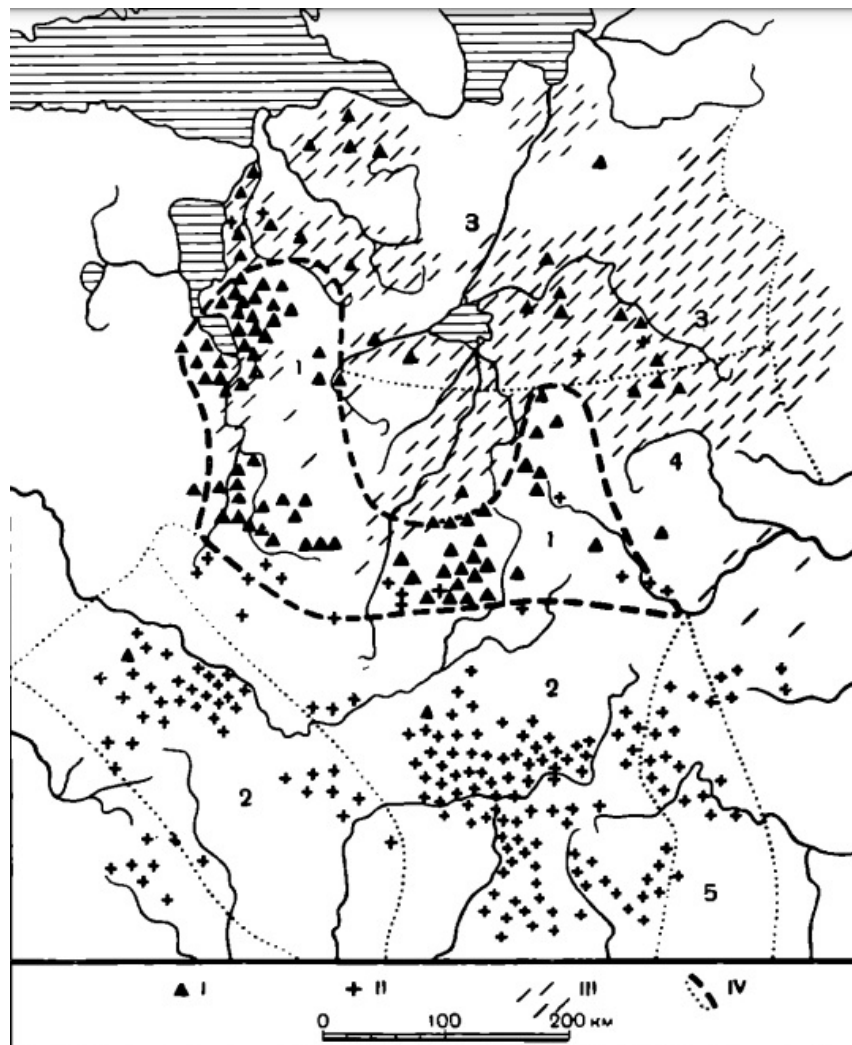
Сегодня трудно не разделять высказанный Квиткой скепсис: чем глубже этномузыкознание погружается в географическую проблематику, чем активнее развивается фольклористическая ареалогия, тем более отчетливо исследователи, работающие в этом направлении, осознают число встающих перед ними собственно этномузыкологических проблем и тем менее вероятными представляются широкие историко-этномузыкологические сравнения как намеренно поставленная задача специального исследования. Однако это вовсе не исключает

самой возможности обнаружения подобных соответствий. С одним из таких случаев знакомит настоящая статья, в которой рассматривается ареальная ситуация, сложившаяся в юго-западной части Русского Северо-Запада, — на территории Псковской области и близких к ней районов на юго-западе Тверской и севере Смоленской областей.

*Псковские кривичи:
исторические границы и соответствующие им изомелы*

На обозначенной территории располагается исторический ареал псковских кривичей — этнической группировки эпохи раннего славянского освоения Восточно-Европейской равнины и формирования древнерусского государства (вторая половина первого тысячелетия н. э.). На карте, составленной авторитетным специалистом по ранней славянской истории советским и российским археологом Валентином Васильевичем Седовым, ареал этого восточнославянского племени обозначен черными треугольниками, показывающими распространение так называемых длинных курганов — особого типа погребальных сооружений. Внутри ареала обращают на себя внимание два очага плотного скопления значков. По-видимому, это области наиболее интенсивного заселения: один — на восточном и южном побережье Чудского и Псковского озер и в низовьях реки Великой, главным образом на ее левом берегу, и другой — в верховьях двух рек, Ловати и Западной Двины (современное псковско-тверское пограничье). Два этих очага соответствуют историческому вектору расселения псковских кривичей. Обозерье и Великоречье оцениваются как территория формирования этноса, его племенное ядро, а двинско-ловатское междуречье — зона контакта кривичского населения с древними (днепровскими) балтами [2, с. 158]. В. В. Седов предпринял опыт сопоставления археологической карты восточнославянских племен с диалектной картой русского языка начала XX века. Географическое сопряжение псковских говоров с псковско-кривичским ареалом позволило ученому возводить их к наречию этого древнерусского племени (*Карта 1*) [3].

Очерченная территория хорошо обследована в этномузыкологическом отношении: полевое изучение проводилось специалистами многих организаций, но наиболее систематично и результативно — Санкт-Петербургской консерватории (Псковская область) и Российской академии музыки имени Гнесиных (Смоленская область и смоленско-тверское пограничье). Большой массив

Карта 1. В. В. Седов. Археологические памятники кривичей
и диалектологическая карта восточнославянских языков¹

- I* — археологические памятники псковских кривичей второй половины I тыс. и начала II тыс. н. э.; *II* — археологические памятники смоленских и полоцких кривичей;
III — области расселения словен новгородских по данным археологии;
IV — диалектологические границы по карте Московской диалектологической комиссии: 1 — псковская группа говоров; 2 — говоры северо-белорусские;
3 — новгородские говоры; 4 — средне-великорусские говоры; 5 — говоры переходные к южно-великорусским на белорусской основе

¹ Опубликовано: Седов В. В. Кривичи // Советская археология. 1960. № 1. С. 47–62.

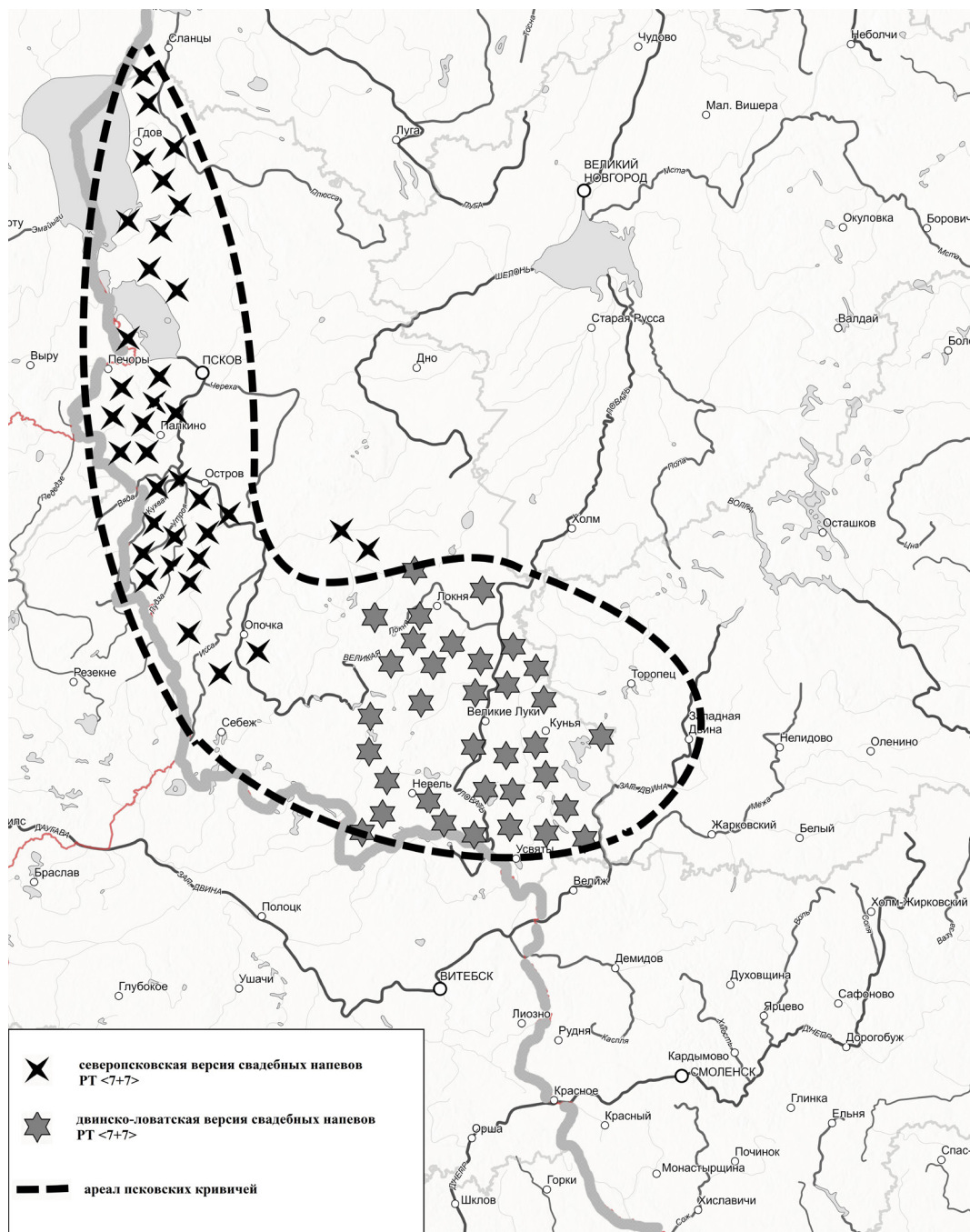
экспедиционных данных опубликован [4–7]. Их изучение, наряду с освоением неизданных полевых аудиозаписей из архива Гнесинской академии, позволило произвести картографирование зафиксированного здесь музыкально-этнографического материала². Среди картографических проекций выделились карты трех типов обрядовых напевов — двух свадебных и одного календарного³, географические характеристики которых в значительной мере соответствуют ареалу псковских кривичей.

В наибольшей степени с ним соотносятся изомелы (этномузыкальные границы) свадебных ритмотипов. Один из них — **ритмический тип со стихом 7+7** (далее РТ). Территория его распространения (*Карта 2*) практически точно вписывается в контуры псковско-кривичского археологического ареала. На карте хорошо видна двухчастная структура ареала напевов РТ <7+7> с аналогичной географической привязкой: характерное вертикальное «крыло» на северо-западе и западе Псковской области и сдвинутый к юго-востоку субареал округлой формы, закрепленный на пространстве между Великой и Западной Двиной, которая служит его восточной границей. Территориальная дискретность ареала усилена тем, что в разных его частях представлены две версии свадебных напевов этого РТ, о чем подробнее будет сказано ниже.

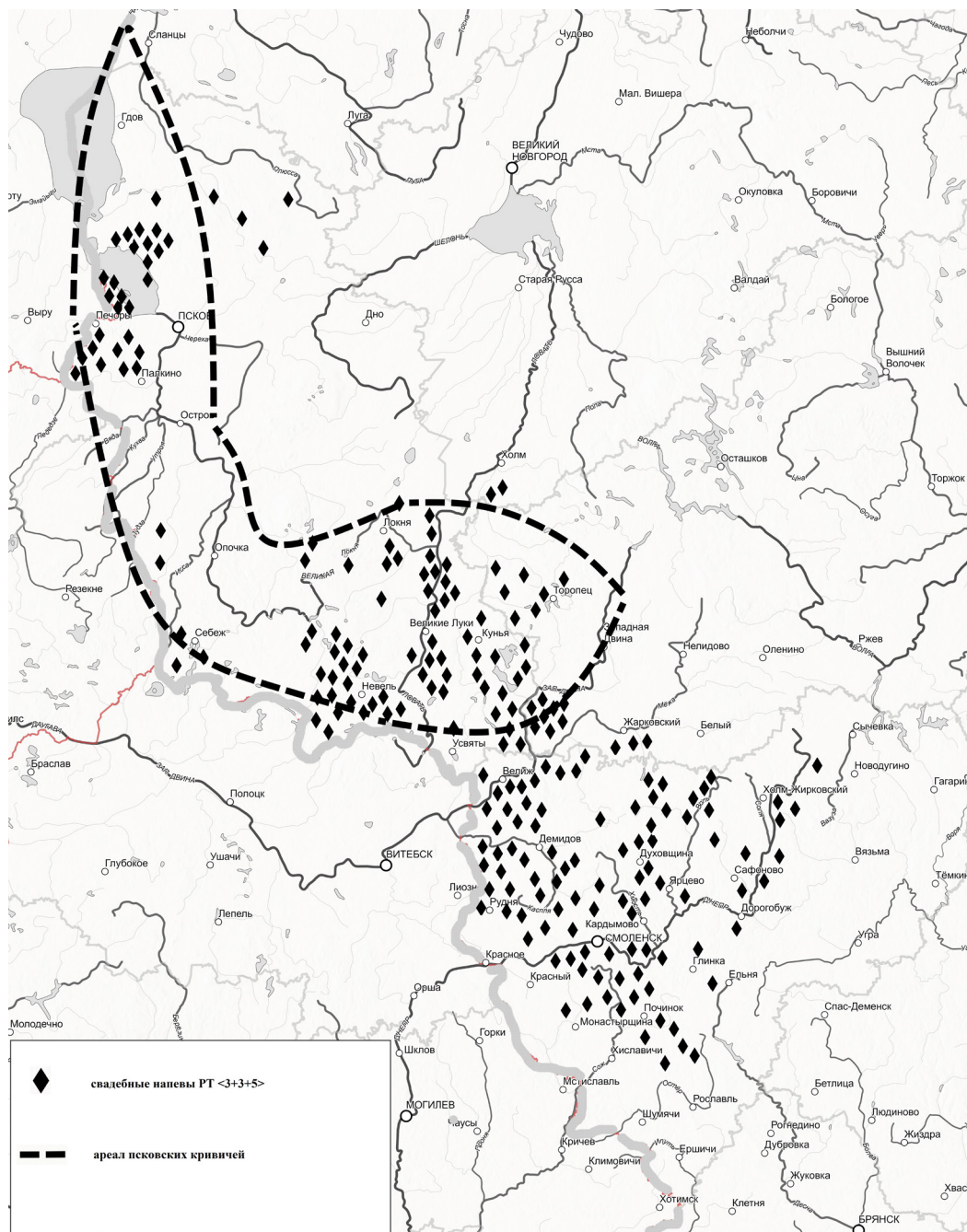
Другой **свадебный ритмотип — со стихом 3+3+5** — в сравнении с предыдущим распространен на большей территории (*Карта 3*). Его ареал также разделяется на две неравные части. Меньшая северная — хорошо узнаваемая вертикальная полоса, вытянутая вдоль современной западной границы России от реки Плюссы на севере Псковской области и ниже — по левому берегу Великой. Второй субареал гораздо более обширен и выходит за пределы двинско-ловатского междуречья (а следовательно, и за пределы псковско-кривичской территории), захватывая практически целиком смоленское правобережье Днепра, а на его левом берегу достигает верховьев Сожа и Десны в южной части Смоленщины. Вместе с тем такое расширение ареала хорошо аргументируется историческими данными: судя по археологическим материалам, проживавшее в верховьях Западной Двины население, возникшее в результате смешения псковских кривичей с балтскими племенами, послужило основой

² В целях сравнительного анализа к исследованию привлекались также фольклорные песенные тексты из смежных областей — Новгородской [8; 9] и Витебской [10; 11].

³ Все напевы опираются на стихи силлабической организации. Стиховая форма вербальных текстов служит в данном случае показателем ритмического типа (РТ), далее величина слоговых групп указывается в угловых скобках рядом с этой аббревиатурой.

Карта 2. Ареал свадебных напевов ритмического типа со стихом 7+7

Карта 3. Ареал свадебных напевов ритмического типа со стихом 3+3+5

для других этнических ветвей, одна из которых — будущие смоленские кривичи, которые закрепились южнее, в верховьях Днепра, и впоследствии развивались самостоятельно [2].

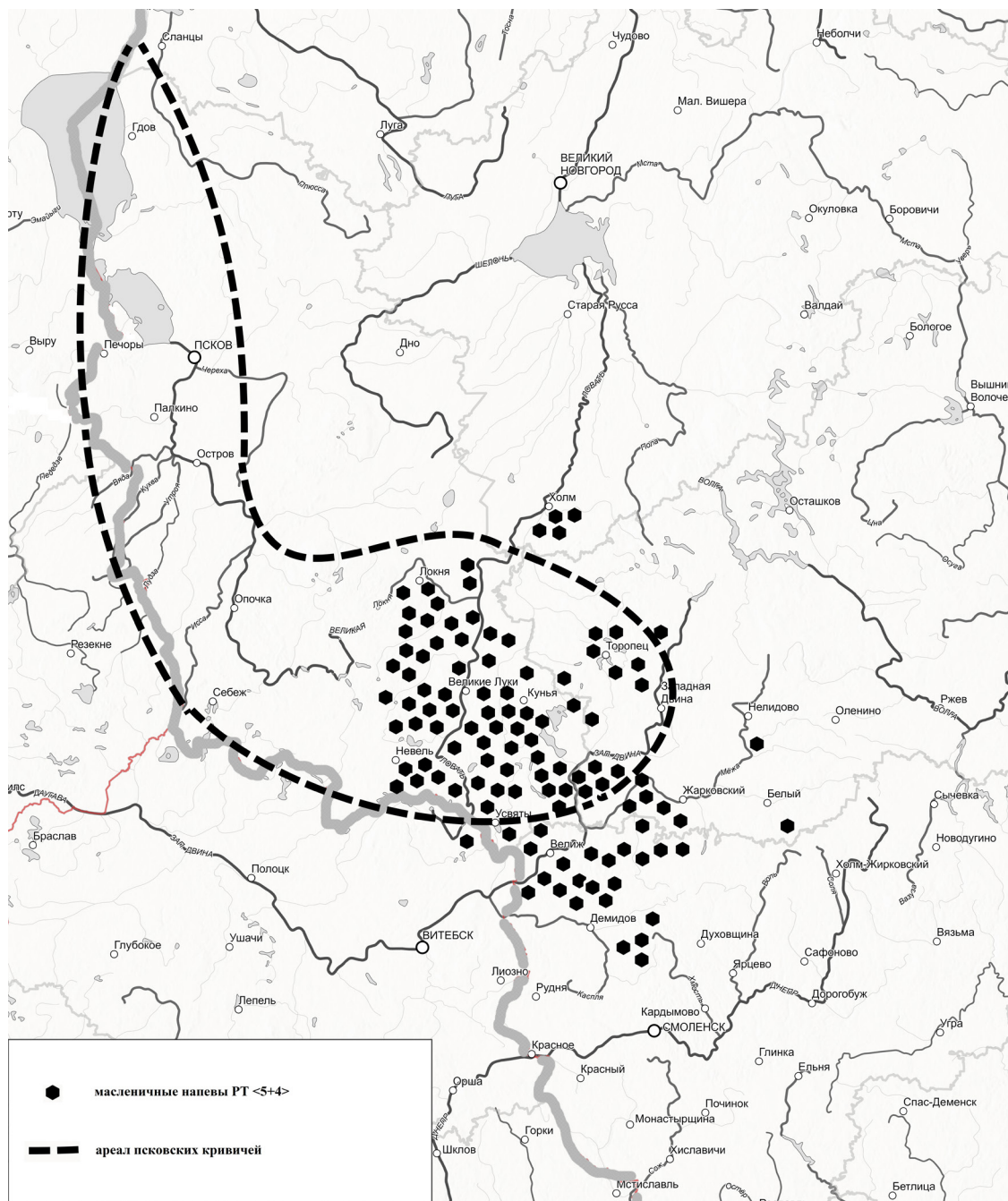
В этой связи показательно, что ядро ареала приходится именно на бассейны Ловати и Двины: в годы экспедиционного обследования напевы РТ <3+3+5> фиксировались здесь наиболее массово и плотно, с большим числом поэтических текстов, занимали от трети до половины всего свадебного репертуара, выполняя ведущую роль в музыкальной драматургии ритуала.

Оба исследуемых свадебных ритмотипа сопоставимы по значимости в песенном цикле местного брачного ритуала. В этом отношении они взаимозависимы и являются своего рода спутниками: на северо-западе Псковщины господствуют напевы РТ <7+7>, песням РТ <3+3+5> отведена вторая позиция, в ловатско-двинском субареале их роли меняются.

Наконец, еще один тип напевов — **масленичный со стихом 5+4** (центральный сюжет — «А мы масленку дожидали»)⁴. В сравнении с представленными свадебными ритмотипами он имеет наименьший ареал: песни РТ <5+4> известны только в двинско-ловатской зоне (Карта 4). Таким образом, территория их распространения соотносится лишь с одной частью ареала псковских кривичей — его южным сектором, где, напомним, располагается ядро ареала свадебных песен РТ <3+3+5> и юго-восточный участок ареала свадебных песен РТ <7+7>.

Согласование ареалов трех типов обрядовых напевов с исторической территорией псковских кривичей настолько существенно, что считать это случайностью, не имеющей серьезного значения, невозможно. Следуя методическим рекомендациям этномузыколога Квитки и историка Седова, можно утверждать, что рассматриваемые типы напевов восходят к псковско-кривичской песенной традиции, несут на себе отпечаток обрядовой музыкальной культуры этого

⁴ В типологии русских масленичных песен, предложенной Е. А. Дороховой, ему присвоен статус первой разновидности основного ритмического типа этого жанра [12, с. 8–11]. На наш взгляд, типологическое родство двух выделенных исследовательницей разновидностей не безусловно, ряд сходных структурных элементов не мешает рассматривать их как самостоятельные модели. Учитывая географическую привязку, напевы РТ <5+4> резонно определять как северо-западный тип масленичных песен.

Карта 4. Ареал масленичных напевов ритмического типа со стихом 5+4

древнего восточнославянского этноса. Заметим, что речь идет о музыкально-фольклорных явлениях, значительных по своей роли в местной песенно-обрядовой культуре: свадебные ритмотипы, как уже говорилось, относятся к ведущим напевам этого ритуала, масленичный репрезентирует доминантный жанр местного календарного цикла. Совокупный количественный массив фольклорных образцов, представляющих исследуемые типы напевов (и составляющих аналитический фонд работы), также велик — около полутора тысяч единиц.

Необходимо заметить, что географические характеристики интересующих нас типов напевов в определенном смысле противоречат современной системе региональных песенных традиций восточного славянства: ловатско-двинская зона их ареалов принадлежит к макрорегиону восточнославянского Запада, на что указывают такие фундаментальные характеристики ее песенной традиции, как жанровая система с развитым календарным циклом и структурные качества обрядовых напевов, в большинстве своем относящиеся к классу цезурированных музыкально-ритмических форм, тогда как обозерско-великорецкая зона в большей степени вписана в севернорусский этнокультурный макрорегион (об этом свидетельствует минимальная представленность календарных жанров и преобладание напевов сегментированного ритмического строения).

*Структурная специфика обрядовых напевов
псковско-кривичского ареала*

Структурное изучение обрядовых песен псковско-кривичского ареала обнаружило в строении напевов такие качества, которые объединяют их друг с другом и одновременно отделяют от иных, известных как в исследуемом регионе, так и в других традициях.

Общими для напевов всех трех типов являются особенности их музыкально-ритмической организации: координируясь с силлабическими стихами, они не относятся к классу цезурированных форм, какие безраздельно господствуют к югу от псковско-кривичского ареала — в традициях восточнославянского Запада. Все исследуемые напевы сегментированные — целиком или частично, то есть подчиняются принципам акцентной музыкальной организации и в крупном плане соотносятся с морфологическими закономерностями севернорусской песенной традиции. При этом музыкально-поэтические тексты трех ритмотипов основываются на сегментации разных видов — равномерной либо неравномерной. Обе проявляют себя здесь не вполне стандартным образом.

Что касается **свадебного РТ со стиховой формулой 3+3+5**, то он давно и прочно вошел в реестр форм равносегментного класса (*Пример 1, Схема 1*). В последние годы напевы этого РТ оказались предметом специального научного интереса нескольких этномузыкологов, в том числе автора этой статьи [13; 14; 15]. Так что сегодня РТ основательно изучен: реконструирован не только ареал в целом, но и его сложная внутренняя структура, детально описаны ритмические и звуковысотные версии, их географическое распределение. Поэтому нет необходимости еще раз специально говорить об этих аспектах, но следует обратить внимание на некоторые вопросы, которые представляются важными в свете заявленной проблематики.

Пример 1. Свадебная песня. Смоленская обл., Велижский р-н, д. Плоское.
Исп. А. Ф. Аверьянова (1908 г.р.), Е. П. Носкова (1926), М. К. Яковлева (1925),
А. Н. Усатова (1928). Зап. И. Успенская в 1983 г.
Нот. Л. М. Белогурова [7, с. 274, № 22]

Схема 1. Модель свадебного РТ <3+3+5>

Характерно, например, что уже Борислава Борисовна Ефименкова, первой описавшая структурную специфику напевов РТ <3+3+5>, задавалась вопросом его происхождения, усматривая связь со свадебными напевами цезурированного РТ <3+3+4>, широко распространенными в днепро-двинской зоне (восточная Беларусь и смоленское Поднепровье) [16, с. 129]. Равносегментную модель она считала производной от вероятной трехмерной версии РТ <3+3+4>, которая, нужно это подчеркнуть, в реальной песенной практике не зафиксирована (Таблица 1):

Таблица 1. Ритмические модели свадебных песен со стихами 3+3+4 и 3+3+5

ритмический тип	ритмическая формула
Цезурированный РТ <3+3+4> двухмерная версия	
Цезурированный РТ <3+3+4> теоретически возможная трехмерная версия	
Равномерно сегментированный РТ <3+3+5>	

Доказывая преемственность этих типов свадебных напевов, исследовательница, помимо близкой стиховой формы, отмечала наличие некоторых рудиментарных, по ее мнению, признаков цезурированного строения в равносегментной структуре⁵. Одновременно для Б. Б. Ефименковой было очевидно родство северо-западного свадебного РТ <3+3+5> другому ритмотипу этого же класса — со стихом 4+5 и композицией *aa/bb*⁶, напевы которого хорошо известны в севернорусских традициях. В то же время важно еще раз подчеркнуть обособленность РТ <3+3+5> в общем ряду русских равносегментных свадебных форм, где не находит аналогов его композиция из трехэлементных стихов (*abc/abc* или *aab/aab*), имеющая многочисленные параллели опять же среди цезурированных образцов восточнославянского Запада.

Северо-западные свадебные песни с 7-сложным стихом требуют более детального анализа, поскольку, будучи опубликованы и подробно паспортизованы в двухтомном издании псковских материалов [5], они еще не становились предметом специального изучения.

⁵ См. подробнее об этом [13, с. 8–9].

⁶ Типы РТ-2 и РТ-3, согласно типологической систематике этого автора [16].

А между тем их ритмо-структурная организация относится к числу самых необычных в восточнославянском обрядовом фонде.

В двух частях общего ареала, изомела которого практически буквально повторяет археологическую границу псковских кривичей, распределены две версии РТ <7+7>, значительно отличающиеся друг от друга. Их общей чертой, наряду со стиховой формулой, является нормативная строфическая композиция из четырех звеньев *ab/ab*⁷. По своей величине слоговые группы довольно устойчивы, но в северном секторе ареала обнаруживается тенденция к их сокращению до 6 слогов, а в юго-восточном — напротив, эпизодическое увеличение до 8. Однако главное, что различает территориальные версии РТ, — ритмизация 7-сложных групп.

Для северо-псковских образцов базовой является необычная ритмоформула с долгим предпоследним слогом — (шестисложный вариант образуется стяжением двух начальных силлабохронов). Эта своеобразная фигура отсутствует в реестре цезурированных ритмических единиц восточнославянского Запада и, как можно судить в настоящее время, характерна исключительно для северо-западных традиций, преимущественно псковских⁸. Слоговая музыкально-ритмическая форма напевов образуется четырехкратным проведением этого рисунка, и в целом ничто не противоречит пониманию ее как цезурированной. Между тем авторы коллективной монографии «Народная традиционная культура Псковской области», где опубликована подборка образцов этого типа, интерпретируют стих как акцентный и по существу предлагают тактировать напевы по модели неравномерно сегментированных форм: . Повод к такой трактовке дают поэтические тексты: в большинстве из них семи- и даже шестисложные слоговые группы оформлены двумя ударениями — на третьем от начала (втором, если группа насчитывает шесть слогов) и третьем от конца слогов, что соответствует закономерностям севернорусских стихов тонического сложения.

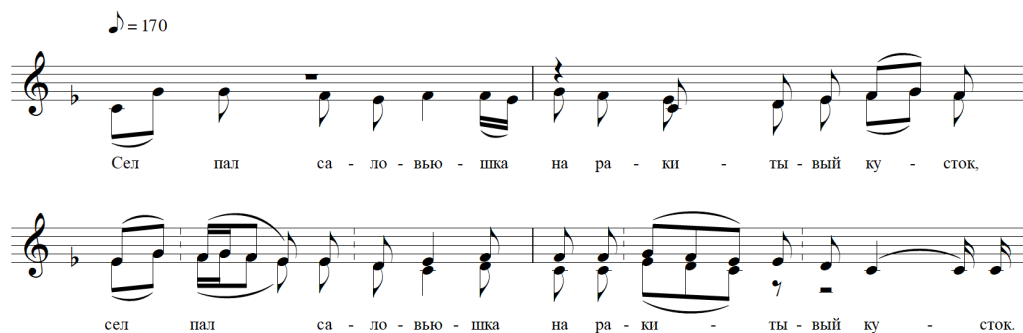
⁷ В северном субареале она может быть сокращена до трех построений (*ab/a*).

⁸ Помимо свадебных песен она обнаруживается в так называемых припевках на полевой голос, зафиксированных в Палкинском районе Псковской области. По музыкально-ритмической форме они фактически идентичны северной версии РТ <7+7> и, более того, воспроизводят специфическую местную композицию песенной строфы «с вожоканьем» — вокализированным (бестекстовым) исполнением второго периода (см. [4, с. 207–213, № 313–324]).

От последних, более масштабных (с нормативным объемом в 8–11 слогов), анализируемые псковские образцы отличает лишь краткость стихового ряда и обусловленная этим непривычная двусложная (вместо трех) величина срединного сегмента:

Харóбный дру́женька,
Наша ве́рна слúженька!
Вазьми́-ка, дру́женька,
Шилкаву́ю плéточку
Да во пра́ву ру́ченьку.
Призави́-ка, дру́женька,
Да карми́льца-ба́тюшку
Сы ради́май ма́тушкой...⁹

Во втором периоде строфы основная ритмоформула, как правило, видоизменяется — в ней увеличивается длительность третьего слога, что дает дополнительный аргумент для понимания ритмической формы как неравносегментной (Пример 2, Схема 2):

Пример 2. Свадебная песня. Псковская обл., Палкинский р-н, д. Яхново.
Исп. А. И. Иванова (1903), П. В. Васильева (1913). Зап. А. М. Мехнецов,
А. А. Мехнецов в 1990. Нот. К. А. Мехнецова [5, Т. 1, с. 318, № 8]

Схема 2. Модель свадебного РТ <7+7>: северо-псковская версия

⁹ Д. Папушево Печорского р-на, Псковской обл. [5, Т. 1, с. 319, № 10].

В Псковской области зафиксированы единичные образцы северо-псковской версии РТ <7+7> с композицией строфы не из четырех, а из двух построений¹⁰ — с редукцией первого периода, что можно расценивать как движение в сторону структурных нормативов неравносегментного класса. Характерно, что подобные примеры спорадически фиксируются в соседних областях — Новгородской и Ленинградской (их, в частности, отмечает в своей статье И. В. Королькова [17]), где неравномерно сегментированные напевы с тоническим стихом в свадебном репертуаре преобладают.

Для полноты картины упомянем бытование в северо-псковских районах — Псковском и Гдовском — ямбического варианта местной версии РТ <7+7> (Пример 3, Схема 3):

Пример 3. Свадебная песня. Псковская обл., Гдовский р-н, д. Желча.

Исп. Л. К. Лаврентьева (1922), А. К. Петрова (1913).

Зап. О. В. Шишкова, А. А. Мехнецов в 1991 г. Нот. Л. П. Махова

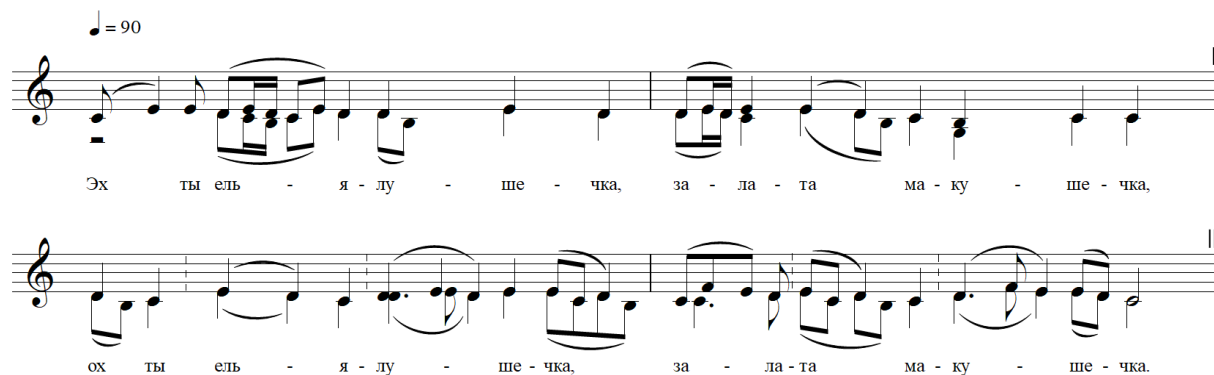
[5, Т. 1, с. 143, № 2]

Схема 3. Модель свадебного РТ <7+7>:
ямбический вариант северо-псковской версии

¹⁰ См. [5, Т. I, с. 144, № 3].

В двинско-ловатском субареале закрепились иная версия РТ <7+7>, пожалуй, не менее оригинальная. Ее отличительная черта — сочетание в песенной строфе периодов разного строения. В первом реализуется строго цезурированная структура, основанная на другой ритмоформуле — типовой с третьим долгим слогом¹¹. Во втором периоде она переритмизуется таким образом, что приобретает черты неравномерно сегментированной структуры с подчеркиванием иктовых слоговых времен (*Пример 4, Схема 4*). Как видим, в ловатско-двинской версии РТ <7+7> сохраняется общая конструкция песенной строфы, но гораздо ярче, чем в напевах северного субареала, выражен контраст между ее периодами, а в каждом из них более отчетливо проявлены типологические качества: в начальном — цезурирование и строго модельные рисунки, в заключительном — сегментация.

Пример 4. Свадебная песня. Псковская обл., Локнянский р-н, д. Черепяги. Исп. А. К. Богданова (1924), К. И. Фомченкова (1913). Зап. О. В. Шишкова в 1991 г. Нот. Г. В. Лобкова, И. В. Суханова [5, Т. 2, с. 131, № 8]

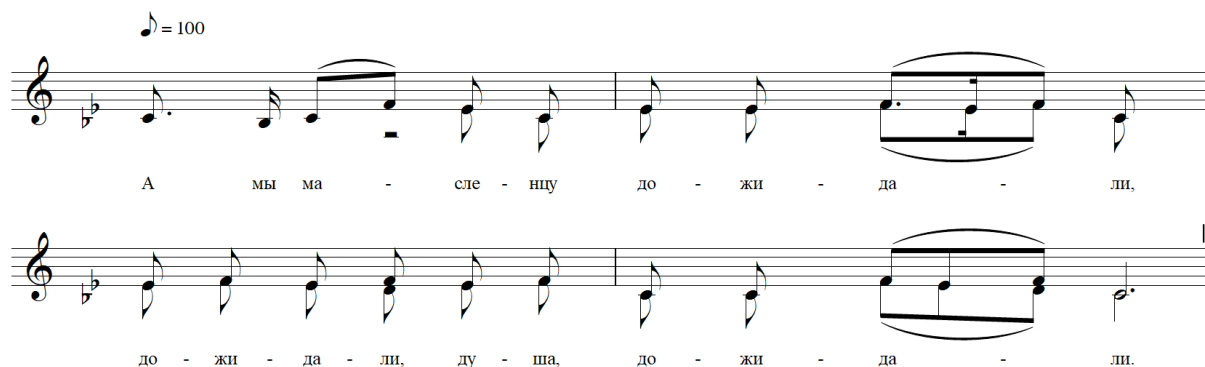

Схема 4. Модель свадебного РТ <7+7>: двинско-ловатская версия

¹¹ Она лежит в основе цезурированного РТ свадебных песен Западного региона, стиховая структура которых нередко обозначается как 3+4.

Подобно тому, как в северной части ареала возникали двузвенные строфические версии РТ <7+7>, в двинско-ловатской зоне вторая — сегментированная — «половина» местной ритмомодели, по-видимому, могла функционировать в качестве самостоятельной разновидности РТ, став результатом «распада» столь неоднородной и громоздкой конструкции. Во всяком случае именно так можно объяснить единичные фиксации неравномерно сегментированных ритмоформ с семисложным стихом на смоленско-тверском пограничье¹².

По поводу ритмической организации **масленичных песен северо-западного РТ** в структурном этномузыкознании существуют две точки зрения. С одной стороны, утвердилась цезурированная интерпретация их напевов, которые складываются из двух типовых формул слогового ритма — пяти- и четырехсложной (*Пример 5, Схема 5*):

Пример 5. Масленичная песня. Смоленская обл., Демидовский р-н, д. Мякуры.

Исп. А. П. Никитенкова (1922), Е. Е. Рыженкова (1920).

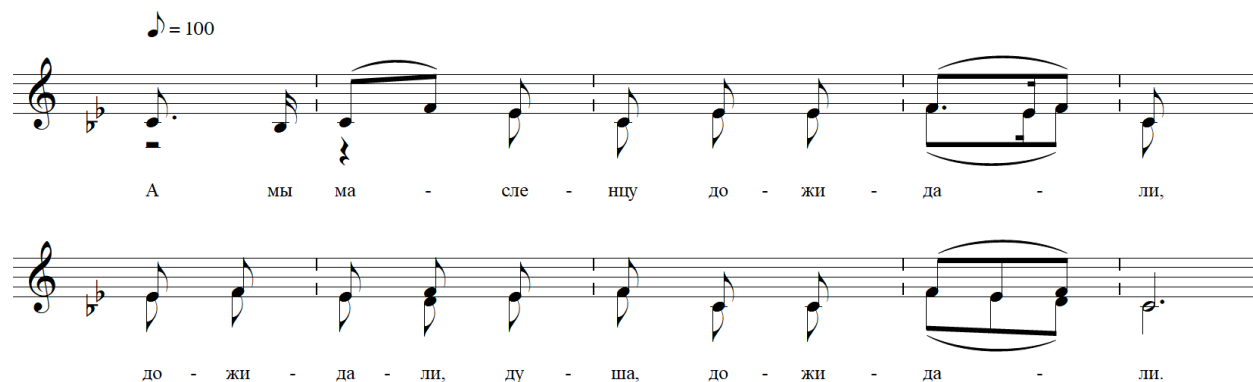
Зап. И. Успенская в 1984 г. Нот. И. Успенская [6, с. 705, № 2]

Схема 5. Модель масленичного РТ <5+4>: цезурированная трактовка

¹² Один из таких примеров 1959 года записи опубликован в [18, с. 50, пример № 6].

Однако еще в 1978 г. студенткой ГМПИ им. Гнесиных Н. Н. Терехиной в ее дипломном исследовании свадебных песен чердынской традиции Пермского края¹³ (научный руководитель работы М. А. Енговатова) была предложена иная трактовка подобных напевов. Автор выдвинула идею «периодически акцентного» устройства их музыкальной ритмики, то есть равномерно сегментированного, выражаясь терминами современной этномузыкологии (*Пример 6, Схема 6*). Шестивременные построения в этом случае рассматриваются как пара трехвременных сегментов с двухслоговым безударным зачином:

Пример 6. Масленичная песня. Смоленская обл., Демидовский р-н, д. Мякуры.

Исп. А. П. Никитенкова (1922), Е. Е. Рыженкова (1920).

Зап. И. Успенская в 1984 г. Нот. И. Успенская.

Равномерно сегментированная трактовка музыкально-ритмической формы

*Схема 6. Модель масленичного РТ <5+4>:
равномерно сегментированная трактовка*

¹³ В 2011 г. опубликовано отдельным изданием [19].

Пристальное изучение смоленских и псковских звукозаписей из архива Музыкально-этнографического центра им. Е. В. Гиппиуса РАМ имени Гнесиных убеждает не только в допустимости, но и целесообразности равносегментной трактовки этих напевов. Несмотря на постоянство стиховой и музыкально-ритмической цезуры, она хорошо объясняет устойчивый концевой рисунок первого периода и характерную для песен юго-востока Псковщины нетиповую ритмическую фигуру пятисложной силлабической группы . Не противоречит равносегментной версии и значительная часть образцов с мобильной ритмической организацией, которая свойственна двинско-ловатским масленичным напевам. Следует отметить стабильную структуру второго ритмического периода строфы, который всегда точно укладывается в равномерно сегментированную модель.

Выводы

Таким образом, анализ трех ведущих типов обрядовых напевов северо-западного региона, выделенных на основании их территориальной синхронизации с археологическим псковско-кривичским ареалом, выявил в них ряд структурных особенностей. Специфика исследуемых напевов заключается в амбивалентной либо микстовой природе их ритмического строя: проявляя тесную связь с фондом западных цезурированных моделей (что видно в опоре на стихи-слоговики, тяготении к крупным строфическим композициям, использовании цезурированных формул), они одновременно демонстрируют качества сегментированной музыкально-ритмической организации, обнаруживая принципы формообразования, характерные для напевов этого класса, а именно — деление музыкально-ритмического ряда на основе периодической (равномерной) либо непериодической (неравномерной) акцентности.

Представляется, что выявленные псковско-кривичские типы обрядовых напевов воплощают собой ранние формы музыкально-ритмической сегментации, в определенном смысле не вполне зрелые, если сравнивать их с классическими ритмическими типами Русского Севера. Последние, главным образом неравномерно сегментированные, известны и на Псковщине, но господство их в полной мере проявляется в других северо-западных регионах — в культуре Новгородской и Ленинградской областей [17] — и сохраняется при продвижении в глубь огромного севернорусского пространства. Эта ареальная картина соответствует географии исторического процесса освоения древним новгородским населением севернорусских земель на рубеже I–II тысячелетий н. э.

Псковские кривичи не были вовлечены в этот процесс, о чем свидетельствует в том числе эндемичность обрядовых музыкальных форм, составляющих их культурное наследие.

Список литературы

1. Квитка К. В. Об историческом значении календарных песен // Квитка К. В. Избранные труды: в 2 т. М.: Сов. композитор, 1971. Т. 1. С. 77–99.
2. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982.
3. Седов В. В. Восточнославянская этноязыковая общность // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 3–16.
4. Песни Псковской земли. Л.: Сов. композитор, 1989. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни / сост. А. М. Мехнецов.
5. Народная традиционная культура Псковской области: обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: в 2 т. / сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; отв. ред. Г. В. Лобкова, Е. А. Валевская. СПб.; Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002.
6. Смоленский музыкально-этнографический сборник. М.: Индрик, 2003. Т. 1: Календарные обряды и песни / отв. ред. О. А. Пашина.
7. Смоленский музыкально-этнографический сборник. М.: РАМ имени Гнесиных, 2016. Т. 4: Свадьба днепровского правобережья: ритуал и музыка / отв. ред. Л. М. Белогурова, И. А. Никитина.
8. Свадебные песни Новгородской области: хрестоматия. СПб.; Саратов: Амирит, 2023. Вып. 1: Свадебные песни Приильменя / автор серии, сост., вступ. ст., коммент. И. В. Королькова.
9. Свадебные песни Новгородской области: хрестоматия. СПб.; Саратов: Амирит, 2024. Вып. 2: Свадебные песни среднего течения Ловати и бассейна Пола / автор серии, сост., вступ. ст., коммент. И. В. Королькова.
10. Мажэйка З. Я., Варфаламеева Т. Б. Песні Беларускага Падняпроўя. Мінск: Беларуская навука, 1999.
11. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў: у 6 т. Мінск: Бел. навука, 2001. Т. 1. Магілёўскае Падняпроўе / Т. Б. Варфаламеева, В. І. Басько, М. А. Козенка і інш.

12. Дорохова Е. А. Масленичные песни в русской календарной традиции // Фольклорный текст: функции и структура: сб. трудов. М.: РАМ имени Гнесиных, 1992. С. 5–31. Вып. 121.

13. Белогурова Л. М. Северо-западный тип равносегментных свадебных напевов (мелогеографический очерк) // Вопросы этномузыкознания. 2021. № 17. С. 6–31.

14. Королькова И. В. Свадебные песни одного ритмического типа в фольклорных традициях Новгородской области // Вопросы искусствознания. Вестник Саратовской консерватории. 2024. № 2 (24). С. 77–84. <https://doi.org/10.24412/2618-9461-2024-2-77-84>

15. Белогурова Л. М. Ритмические особенности свадебных песен верхнеокского левобережья и их южнорусские соответствия // Музыкальная академия. 2024. № 4. С. 178–195. <https://doi.org/10.34690/438>

16. Ефименкова Б. Б. Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М.: Композитор, 2001.

17. Королькова И. В. Песенный тип «Соколы» в фольклорных традициях Новгородской области // Opera musicologica. 2024. Т. 16. № 2. С. 184–207. <https://doi.org/10.26156/operamus.2024.16.2.010>

18. Яковлев Ю. В. На старинной русской свадьбе // Вопросы этномузыкознания. 2024. № 20. С. 45–54. (Публикация С. Федоровой).

19. Терехина Н. Н. Свадебные песни Перми Великой. Пермь: ОТ и ДО, 2011.

References

1. Kvitka, K. V. (1971). Ob istoricheskom znachenii kalendarnykh pesen [On the Historical Significance of Calendar Songs]. In Kvitka, K. V. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. (2 Vols., Vol. 1, pp. 77–99). Sovetskij kompozitor. (In Russ.).

2. Sedov, V. V. (1982). *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [The Eastern Slavs in the 6th–13th Centuries]. Nauka. (In Russ.).

3. Sedov, V. V. (1994). Vostochnoslavjanskaya etnoyazykovaya obshchnost' [East Slavic Ethnolinguistic Community]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], (4), 3–16. (In Russ.).

4. Mekhnetsov, A. M. (Ed.). (1989). *Pesni Pskovskoj zemli. Vyp. 1. Kalendarno-obryadovye pesni* [Songs of the Pskov Land. Issue.1. Calendar and Ritual Songs]. Sovetskij kompozitor. (In Russ.).
5. Mekhnetsov, A. M., Lobkova, G. V., & Valevskaya, E. A. (Eds.). (2002). *Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoj oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra* [Folk Traditional Culture of the Pskov Region: An Overview of Expedition Materials from the Scientific Collections of the Folklore and Ethnographic Center]. (2 Vols.) Izdatel'stvo [Pskovskogo] Oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva. (In Russ.).
6. Pashina, O. A. (Ed.) (2003). *Smolenskij muzykal'no-etnograficheskij sbornik. T. 1: Kalendarnye obryady i pesni* [Smolensk Musical and Ethnographic Collection. Vol. 1: Calendar Rituals and Songs]. Indrik. (In Russ.).
7. Belogurova, L. M., & Nikitina, I. A. (Eds.) (2016). *Smolenskij muzykal'no-etnograficheskij sbornik. T. 4: Svad'ba dneprovskogo pravoberezh'ya: ritual i muzyka* [Smolensk Musical and Ethnographic Collection. Vol. 4: The Wedding of the Dnieper Right Bank: Ritual and Music]. Gnesin Russian Academy of Music. (In Russ.).
8. Korol'kova, I. V. (Ed.). (2023). *Svadebnye pesni Novgorodskoj oblasti: khrestomatiya. Vyp. 1: Svadebnye pesni Priil'men'ya* [Wedding Songs of the Novgorod Region: A Textbook. Issue 1: Wedding Songs near Lake Ilmen]. Amirit. (In Russ.).
9. Korol'kova, I. V. (Ed.). (2024). *Svadebnye pesni Novgorodskoj oblasti: khrestomatiya. Vyp. 2: Svadebnye pesni srednego techeniya Lovati i bassejna Poly* [Wedding Songs of the Novgorod Region: A Textbook. Issue 2: Wedding Songs of the Middle Reaches of the Lovat River and the Pola River Basin]. Amirit. (In Russ.).
10. Mazhejka, Z. Ya., & Varfalameeva, T. B. (1999). *Pesni Belaruskaga Padnyaprouya* [Songs of the Belarusian Dnieper Region]. Belaruskaya navuka. (In Belarusian).
11. Varfalameeva, T. B., Bas'ko, V. I., & Kozenka, M. A. (Eds.). (2001). *Tradytsijnaya mastatskaya kul'tura belarusau*. [Traditional Artistic Culture of Belarusians]. (In 6 Vols., Vol. 1. Magilyouskae Padnyaproue [Mogilev Dnieper Region]). Belorusskaya navuka. (In Belarusian).

12. Dorokhova, E. A. (1992). Maslenichnye pesni v russkoj kalendarnoj traditsii [Maslenitsa Songs in the Russian Calendar Tradition]. In *Fol'klornyj tekst: funktsii i struktura* [Folklore Text: Functions and Structure]. (Issue 121, pp. 5–31). Gnesin Russian Academy of Music. (In Russ.).
13. Belogurova, L. M. (2021). North-Western Type of Equal-Segment Wedding Tunes (Melogeographic Essay). *Problems of Ethnomusicology*, 17, 6–31. (In Russ.).
14. Korol'kova, I. V. (2024). Wedding Songs of the Same Rhythmic Type in Folklore Traditions of Novgorod Region. *Bulletin of the Saratov Conservatory. Questions of Art Studies*, 24(2), 77–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2618-9461-2024-2-77-84>
15. Belogurova, L. M. (2024). Rhythmic Features of Wedding Songs on the Left Bank of the Upper Oka River and Their South Russian Correspondences. *Music Academy*, (4), 178–195 (In Russ.). <https://doi.org/10.34690/438>
16. Efimenkova, B. B. (2001). *Ritm v proizvedeniyakh russkogo vokal'nogo fol'klora* [Rhythm in the Works of Russian Vocal Folklore]. Kompozitor. (In Russ.).
17. Korol'kova, I. V. (2024). “Falcons” — Special Musical Type of a Wedding Song from the Novgorod Region. *Opera musicologica*, 16(2), 184–207. (In Russ.). <https://doi.org/10.26156/operamus.2024.16.2.010>
18. Yakovlev, Yu. V. (2024). Na starinnoj russkoj svad'be [At an Old Russian Wedding] (S. Fedorova, Ed.). *Problems of Ethnomusicology*, (20), 45–54. (In Russ.).
19. Terekhina, N. N. (2011). *Svadebnye pesni Permi Velikoj* [Wedding Songs of Perm the Great]. OT i DO. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Белогурова Л. М. — кандидат искусствоведения, доцент, зав. кафедрой этномузыкологии.

Information about the author:

Larisa M. Belogirova — Cand. Sci. (Art Studies), Associate Professor, Head of the Ethnomusicology Department.

Статья поступила в редакцию 12.03.2025;
одобрена после рецензирования 28.05.2025;
принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 12.03.2025;
approved after reviewing 28.05.2025;
accepted for publication 10.06.2025.